

Сабанов Олег

Закрытая тетрадь

12+

Олег Александрович Сабанов

Закрытая тетрадь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67611728

SelfPub; 2022

Аннотация

Ровное течение жизни заводского инженера нарушается вспышкой зависти, из-за которой он берет в руки перо.

Олег Сабанов

Закрытая тетрадь

Артем с юности страдал приступами зависти к более везучим и успешным. Именно приступами, которые могли длиться довольно долго, овладевая им так же внезапно, как и отпуская. Причем чувство досады вызывало не материальное благополучие или внешняя привлекательность другого человека, а его врожденные таланты, проявившиеся способности или отточенные до совершенства навыки. «Учись хорошо, Тема, внимательно слушай преподавателей, еще лучше сможешь, заткнешь за пояс этих выпендренчиков, – то ли в шутку то ли всерьез говаривала ему мама, когда замечала удрученное состояние сына, а бабушка добавляла. – Да плюнь ты на них, людская слава до добра не доведет!».

Сразу по окончании института сторонящийся шумных компаний Артем быстро женился на своей однокурснице, симпатичной легкомысленной брюнетке Наташе, которой однажды помогал делать курсовую. «А Темыч наш не промах! Тихий, незаметный, но какой приткий оказался», – поражались его однокурсники и немногочисленные приятели. Летело время, и в возраст Иисуса Христа он вошел уважаемым инженером завода пластмассовых изделий, верным мужем, отцом двоих детей – восьмилетней Дашеньки и пятилетнего Славика. Вот только к своим тридцати трем годам

он так и не научился со спокойствием солидного мужчины взирать на достижения признанных мастеров в самых разных сферах. Причем более всего его душевное равновесие нарушали восторженные упоминания творческих людей, чьи имена по поводу и без гремели с телевизионных экранов, страниц журналов и газет, где к еще большему раздражению Артема излишне смаковали подробности личной жизни небожителей.

– Я еще понимаю, когда говорят о нобелевских лауреатах по физике, химии, биологии, о выдающихся конструкторах, врачах и олимпийских чемпионах! – в сердцах сказал он жене за ужином, презрительно кривя лицо. – Но убей не пойму, зачем расхваливать одноразовых певичек, второсортных актеришек, бездарных бумагомарак! Ведь ясно, что на сцену и съемочную площадку они попали только по соизволению серьезных дяденек или по благу, родившись в семье известного артиста!

– Но с другой стороны детектив хороший сам себя вряд ли напишет, какая бы родословная не была у автора, и сколько бы у него не лежало на счету, – спокойно встала супруга и сразу же об этом пожалела.

– Ты серьезно считаешь, что для написания низкопробного бульварного чтива требуется какой-никакой талант!?! – вдруг взвился Артем. – Даже я без навыков, в качестве пробы пера могу настроичить более правдоподобный, захватывающий и удобоваримый для прочтения опус. Просто время

жаль тратить на такую чушь!

– Сомневаюсь, – робко возразила Наташа, стараясь говорить как можно мягче. – Пусть мои любимые женские детективы не назовешь настоящей литературой, определенное дарование у их авторов определенно имеется. Без призвания они не смогли бы заинтересовать армию читателей.

– Что ты мелешь!?! – совсем вышел из себя Тема, срываясь на крик. – Это же просто бизнес по продаже разрекламированной макулатуры в яркой обложке! А так называемые писатели, скорее всего, просто часть проекта, этакие раздающие интервью куклы, за которых пахнут литературные негры!

– Тебе, конечно, виднее! – огрызнулась жена, уязвленная агрессивным тоном супруга, и демонстративно покинула кухню.

Оставшись наедине с перешедшей в негодование завистью, Артем принялся мысленно убеждать себя в правоте сказанных Наташе слов, развивая тему низкопробной беллетристики: «Люди читают Маринину, Донцову, Полякову, Устинову, Литвиновых из-за желания на время выпасть из реальности, отвлечься от проблем, а простенькая головоломка в основе сюжета их текстов лишь быстрый способ этого достичь. Подлинная же литература не развлекает, слегка щекоча нервы. Напротив – она трогает самые сокровенные струны души, напоминает читателю о её наличии, иногда причиняя при этом боль». Тема попытался вспомнить признанных авторов, с чьими произведениями довелось по-

знакомиться в школьные и студенческие годы, так как после окончания вуза ему стало не до художественных книг. В сознании из небытия плавно, как бы нехотя, всплывали имена Мериме, По, Бирса, Буковски, Воннегута, Барнса, Бэнкса, Аверченко, Шукшина, Астафьева, Аксенова, Лимонова, Довлатова, Сорокина, Пелевина. Причем с их возникновением собственный образ Артема в уме уменьшился до ничтожной, жалкой, потешной фигурки безвестного инженеришки по безнадежно устаревшему оборудованию. Из тьмы уничтожения вновь поднялась волна жгучей зависти, а за ней и негодования к именитым писателям. «Подумаешь, мастера слова, знатоки человеческих душ! Встань надо мной звезды чуть благоприятнее, я бы выдавал на-гора и не такое! Если уж не романы, то рассказы с повестюшками набил бы руку строчить получше некоторых из них! Что особенного в байках того же Эдички Савенко, где тупо и бесхитростно описываются похождения харьковского неудачника, тунеядствующего эмигранта, гордящегося своей паразитической жизнью с беспробудными пьянками и беспорядочными связями? Или в ранних произведениях Сорокина, которые являются гремучей смесью пространных описаний, пустопорожних разговоров, смакования темы фекалий и нечленораздельного мычания, подаваемого как новое слово в современной литературе. Даже признанный уже мастером современного рассказа Василий Макарович, царство ему небесное, по большей части живописал характеры деревенских чудиков при столк-

новении с городской цивилизацией и извечными вопросами бытия. Да, конечно, выходящее из-под его пера было живо, ярко, красочно, интригующе, доходчиво. Но разве подобное под силу только признанному художнику? – задался вопросом Тема и тут же мысленно ответил. – Вряд ли! Приложив максимум усилий можно если не поднять выше планку, то уж точно выйти на заданный уровень мастерства. Просто такие бедолаги как я вынуждены растрачивать свой потенциал в далеких от публичного признания сферах, вроде мало кому интересного завода пластмассовых изделий. Если же изначально оказаться либо всеми правдами и неправдами умудриться попасть в среду известных творческих людей, то и при меньшем напряжении вполне реально стать узнаваемой персоной».

Такие думы всецело овладели Артемом, и на следующий день он твердо решил доказать себе, что способен написать рассказ достойный признанного прозаика. Причем Тема был абсолютно уверен в непредвзятой оценке своего будущего произведения, считая себя человеком, обладающим идеальным художественным вкусом.

Воскресным утром он, вопреки сложившейся традиции, уклонился от прогулки с детьми, переложив почетную обязанность на плечи недовольной Наташи. Дождавшись, когда супруга, наконец, закрыла за собой входную дверь, Артем сел за компьютерный стол с лежащей на его исцарапанной поверхности большой тетрадь в обложке из кожзамените-

ля. Зажав ручку между большим и указательным пальцами, он бросил взгляд сквозь оконное стекло, где на ветру хаотично и бесшумно покачивались ветви деревьев. Подобно им металась мысль Темы, пытаясь склеить из разбросанных в памяти осколков образы неординарных людей и воскресить связанные с ними любопытные ситуации, годные для увлекательного повествования. Однако это оказалось трудной, практически непосильной задачей, чего потенциальный литератор никак не предполагал. Приходящие на ум знакомые черты приятелей, однокурсников, коллег были серы, однообразны, унылы, предсказуемы и едва ли могли, как ему казалось, кого-нибудь из читателей всерьез заинтересовать. С другой стороны отдельные их поступки отличались такой непредсказуемостью, даже дикостью, что выдавать такое за правдоподобные случаи из жизни Тема остерегался, не желая уподоблять свой первый рассказ пошловатой выдумке. В бесплодных попытках нащупать сюжет и сделать набросок главного персонажа, он просидел над раскрытой тетрадью до возвращения жены с уставшими ребятишками, оставив на белом клетчатом листе непонятные символы в виде причудливых иероглифов с перевернутыми вопросительными знаками.

После обеда Артем предпринял новую попытку поймать вдохновение, но лишь успел написать первое предложение: «В день свадьбы будто нарочно зарядил противный мелкий дождь», как тут же ощутил уже знакомую опустошенность.

Вроде бы уже собранная воедино картина сумасшедшей женитьбы двоюродного брата с бешеной ездой по городу, мас-совым отравлением свининой второй свежести и самыми пикантными подробностями походов подружек невесты показалась вдруг давно избитым комедийным сюжетом, банальной киножвачкой для прыщавых подростков. К тому же Тема на свадьбе быстро набрался и не успел толком познакомиться с прототипами героев задуманного повествования, и теперь справедливо предполагал, что они будут плохо про-рисованы. В довершении всего пробуя перо инженер завода пластмассовых изделий почему-то всерьез опасался разгневать реальных людей, которые без сомнения узнают себя в созданных персонажах, хотя публиковать рассказ ни в интернете, ни где-либо еще он не намеревался.

Воскресный день незаметно превратился в вечер, который пришлось посвятить отложенным в долгий ящик домашним делам, а так же почитать вслух по очереди с Дашей любимые страницы из «Малыша и Карлсона». Все это время Артем был сам не свой, отвечал невпопад, путался при чтении детской книги, сидел с потерянным лицом. Укладываясь спать, он в тысячный раз прокручивал в голове подробности своего пока не родившегося произведения, произносил шепотом длинные диалоги, пугая тем самым Наташу.

Ночью ему приснился яркий, живой сон, в котором к нему домой с проверкой пожаловал сам Василий Шукшин. Посмотрев на хозяина исподлобья, он ухмыльнулся, махнул

презрительно натруженной пятерней, достал папиросу, дунул в гильзу, прикурил, и принялся мерить шагами комнату. На поджаром, точнее исхудавшем, Василии Макаровиче была алая рубаха, черный кожаный пиджак и кирзовые сапоги – в точности как на недавно освободившемся Егоре Прокудине из кинофильма «Калина красная».

– Дурак ты, парень! – громогласно высказывал ему Шукшин свое неудовольствие. – Думаешь, рассказ написать – раз плюнуть? Вспомнил мутную историю, добавил от себя, отлакировал по последней моде и всего делов? Накося выкуси! – он протянул жилистую загорелую руку с огромной фигой к носу остолбеневшего Темки. – В большом, объемном произведении писателю проще донести свою идею, основную мысль до читателя, потому что есть, где разгуляться нашему брату, есть, так сказать, простор! А ты попробуй сделать тот же фокус на трех страничках! Трудовому человеку ведь некогда романами то зачитываться! Знаю, сложно! Все равно изловчись, разбейся в лепешку, а имя свое не посрами. Иначе, зачем чернила переводить да бумагу марать? Пойми меня правильно, чудак-человек, и не держи зла за душой.

Шукшин тяжело опустился в кресло и принялся один за другим выдвигать ящики письменного стола. Причем был он теперь одет в строгий темный костюм, белоснежную рубашку и стильный галстук, как сыгранный им в картине «Печки-лавочки» алтайский колхозник, мчавшийся на поезде к югу.

– Что вы ищете? – спросил, недоумевая, Артем.

– Коньяк «КВВК», – небрежно ответил Василий Макарович и поставил на стол темно-золотистую бутылку с бронзовым отливом. – А что, в стране сухой закон? – он немного помолчал, а потом, дружелюбно улыбнувшись, уже спокойно сказал. – Знаешь, Темка, зависть зачастую помогает художнику, бодрит, заряжает энергией злости, без которой в творчестве никуда. Но ее одной мало. Ты должен жить своим произведением, чувствовать его рост и созревание в недрах души, а так же понимать, что если не выплеснуть рассказ в положенный срок, изложив на бумаге, то он сожрет тебя изнутри.

Артем собрался задать какой-то вопрос, мучивший его накануне днем, но услышал нарастающий звон будильника и проснулся.

Все последующие события первого рабочего дня недели он так или иначе пытался представить как завязку рассказа, однако, не в силах выстроить сюжет, каждый раз разочаровывался то в исходных данных, то в своих литературных способностях.

Вечером, приехав за Славиком в детский садик, Тема нос к носу столкнулся с Гошей, молодым папашей из соседнего подъезда, который слыл неплохим блогером.

– Привет труженикам мыши и клавиатуры, – неожиданно для самого себя поприветствовал его Артем как закадычного друга, протягивая руку.

– Здорово! Как сам? – ничуть не смутившись, ответил Игорь, демонстрируя крепкое рукопожатие.

– Лучше всех, но никто не завидует, – попытался пошутить Артем. – Научишь писать читаемые посты?

– Блог свой открыл?

– Хочу написать текст, который по-настоящему зацепит читателей. Или хотя бы будет интересен им до последнего предложения.

– Не мой случай. Я пишу коротенькие заметки, делюсь впечатлениями, настроением, соображениями, видео выкладываю. Только когда совсем не могу, могу разродиться объемным опусом о том, что накипело в душе. Но такими текстами, где много букв, мои подписчики обычно себя не заморачивают, – он улыбнулся своим словам и добавил. – Иногда лучше молчать и вообще ничего не писать, чтобы сохранить аудиторию.

Тема хотел подробнее разузнать у Гоши, какие темы больше всего вызывают отклик его читателей, но тот, сославшись на отсутствие времени, побежал забирать своего малыша.

«Какого черта вообще вести блог, если твои самые сокровенные мысли в нем только отпугивают подписчиков? – размышлял Артем, ведя под руку Славика. – Получается, Игорь просто потакает своей аудитории, кормит ее в основном тем, что поверхностно, легко усваивается и не требует глубокого читательского соучастия. Оно и понятно, ведь аудитория для него – бог, требующий подчинения и приношений. Иначе –

изгнание с интернет-олимпа на офлайн-землю и полное забвение. Видимо мастерство настоящего писателя, как, кстати, и серьезного блогера, заключается в искусстве преподать свои подлинные выстраданные идеи в завораживающей читателя форме без всякого заигрывания с той частью аудитории, которая жаждет лишь развлечений. В одном Гоша прав на все сто – лучше молчать, чем вываливать на тех, кого, по сути, приручил, тяжесть наболевшего в корявых невразумительных фразах».

Во время ужина, сидя с женой за кухонным столом, Артем собрался было снова заговорить о незаслуженной славе львиной доли публичных персон, но все же промолчал, то ли побоявшись ссоры с Наташей, то ли не найдя ярких примеров. Вообще он вдруг как-то остыл, перестал заикливаться на бесчисленных раздражающих деталях в льющемся информационном потоке, на мгновение почувствовал себя любимым детьми и женой главой семейства, уважаемым специалистом в заводской среде. С плохо скрываемым наслаждением вытягивая из тарелки спагетти и наматывая их на вилку, он, как бы между прочим, произнес:

– Если всякий неглупый человек возьмется писать книжки, то читатель как вид окончательно исчезнет. В море печатных изданий уже сегодня проще утонуть, чем найти созвучного душе современного автора.

– Это ты к чему? – изумилась Наташа, видимо, позабывшая о вчерашнем разговоре.

– К тому, что стоит ли тужиться и тратить драгоценное время на подражание? Может ли вообще интеллектуальное напряжение породить стоящее произведение?

– Наверное, нет, – машинально ответила ничего не понимающая жена.

Больше вопросов ни Наташе, ни себе самому Артем не задавал. Через минуту с чашкой чая в руке он уселся за компьютерный стол и поймал себя на том, что ему тягостно смотреть на лежащую перед ним закрытую тетрадь. Недолго думая, Тема убрал ее в выдвижной ящик и вскоре уже сидел со Славиком на коленях, который затаив дыхание смотрел мультфильм по монитору. В эти мгновения мир для Артема перестал существовать вместе со всеми, кто вызывал в нем зависть и абсолютное счастье, пользуясь моментом, вновь почувствовало себя хозяином в его сердце.